

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Е. М. ЗАЛКИНД

КИДАНЕ И ИХ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Конец прошлого и начало текущего тысячелетия ознаменовались возникновением в Маньчжурии двух могущественных политических образований: киданьского царства, или Великого Ляо, и сменившей его в результате военного разгрома империи цзиней, или «золотых татар», владычество которых было в свою очередь уничтожено сокрушительным ударом монгольских орд в эпоху Чингис-хана. С этими народами многие исследователи связывают далекое прошлое монголов и тунгусо-маньчжуров. Мнения по этому вопросу высказывались самые разнообразные, в огромном большинстве — спорные, а подчас и, очевидно, неверные¹. В нашу задачу входит привести здесь наиболее существенные суждения об этнической принадлежности киданей и на этой основе, с привлечением некоторых дополнительных источников, прийти к определенному заключению по этому вопросу.

Киданьская империя возникла в X в. н. э., к концу которого кидане становятся полновластными хозяевами «Татарии». Владычество их продолжалось до начала XII столетия, когда оно пало под натиском чжурженей в 1125 г. Киданьское царство относится к числу многочисленных восточных государств, возникших в результате покорения различных племен кочевым народом, чье господство основывалось на военном превосходстве. Судьба киданьского государства может быть сопоставлена с судьбой другой, еще более мощной империи, возникшей четырьмя веками позднее, — монгольской. Как в той, так и в другой блестящие завоевания, расширившие область господства далеко за пределы территории первоначального расселения, повели к крайнему усилению их могущества, в обоих случаях недолговременному, и обе они пали, не будучи в силах сдержать натиск покоренных народов.

Все высказывания о происхождении киданей можно свести к трем основным теориям: 1) кидане — тунгусский народ, родственник цзиням; 2) кидане — народ смешанного монголо-тунгусского происхождения; 3) кидане — монголы. Первая концепция наиболее четко сформулирована Абель Ремюза: «Первая из четырех семей, — пишет он, — которую встречают, идя с востока на запад, есть нация, о которой я говорил

¹ Клапрот справедливо замечает: «Кажется, что в восточной оксечности Средней Азии было столь большое смешение монгольских и тунгусских (т. е. в его понимании тунгусо-маньчжурских. — Е. З.) племен, что часто трудно решить, к которой из двух наций принадлежит та или иная упомянутая в истории народность». — J. Klapproth, *Mémoires relatifs à l'Asie*, t. I, Paris, 1826, стр. 464.

выше под именем тунгусов (т. е. тунгусо-маньчжуров.— Е. З.)... это из ряда этого народа вышли по всей видимости жуан-жуани, кидане или лэо и некоторые другие народы, которые расселились в северных провинциях и на западе Китая. Это к нему надо отнести еще происхождение шюйчжи или цзинь, разбитых Чингис-ханом, и таковое манджуров, северных хозяев Китая»².

Не менее определенно высказался и Клапрот: «Кидане были нацией тунгусской, от ветви, называемой китайцами шигои» (ши-вэй.— Е. З.)³. К этой же точке зрения примыкает Риттер, так же как и русский востоковед — академик Васильев, склонный считать киданей тунгусской расой, родственной нойченам⁴. Сюда же следует причислить исследователя древней истории Маньчжурии Паркера: «С 900 до 1100 г. Китай, к северу от долины Тянь-Цзиньской реки⁵, был политически в могущественных руках тунгусской расы, известной китайцам, как кидане, и в кочевом обиходе гораздо более монгольской, нежели манджурской»⁶.

Наиболее интересной попыткой обосновать иную точку зрения является работа английского ученого Хаурса, приобретающая, несмотря на компилятивный характер работ названного автора, особый интерес ввиду того, что им ставится задача доказать лингвистическим путем смешанное монголо-тунгусское, т. е. опять-таки монголо-тунгусо-маньчжурское, происхождение киданей, каковых он считает «тунгусским народом», управляемым кастой монгольского происхождения⁷. Хаурс подкрепляет свое соображение сравнительным рассмотрением сообщенного ему Шоттом небольшого списка киданьских слов⁸. Этот впервые опубликованный⁹ лексический материал несомненно представляет значительный интерес. К сожалению, китайская транскрипция, в которой сохранилось большинство киданьских слов, представляет немало затруднений к правильному чтению и последнее остается во многих случаях спорным. Словарь Шотта состоит из некоторого количества слов, заимствованных у Клапрота и, повидимому, значительно измененных китайской иероглифической письменностью. Сверх того, приведено 36 впервые публикуемых слов, часть которых не может найти себе объяснения в известных науке языках, значительное же большинство допустимо сближать со словами монгольского и тунгусского языков, причем количество слов, близких тому и другому языку, примерно одинаково. Отсюда Хаурс и делает свой, приведенный выше вывод относительно смешанного происхождения киданей. Гипотеза его, однако, недостаточно обоснована. Если предположить, что в X—XI вв. мог существовать смешанный монголо-тунгусский язык, то естественно возникает вопрос, из каких компонентов последний сложился и каков был дальнейший процесс его развития. Абсурдно было бы пытаться представить дело таким образом, что во времена киданьского господства происходил

² Abel-Rémusat, Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, стр. 21.

³ J. Klapproth, Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, стр. 87.

⁴ «О древних обитателях русской Даурии» (из «Asien» Риттера, Bd. II, стр. 320—324), «Известия Сиб. отд. РГО», т. VIII, № 3—4, 1877, стр. 111 также: В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, Труды Вост. отд. Росс. Археол. Об-ва, ч. 4, 1859, стр. 29—30.

⁵ т. е. реки Бей-хэ, на которой стоит город Тянь-Цзинь.

⁶ E. Parker, Russia's sphere of influence of a Thousand years of Manchuria, Reprinted from «Asiatic Quarterly Review», IX, 1900, стр. 2.

⁷ H. H. Howorth, The Northern frontagers of China, Part V, The Khitai or Khitan, «Journ. of the R. Asiatic Society», vol. XIII, 1881, стр. 123.

⁸ W. Schott, Kitai und Karakitai, Berlin, 1879.

⁹ Не считая некоторого количества киданьских слов, помещенных Клапротом в его «Asia Polyglotta», заимствованных отсюда Хаурсом.

процесс смешения вполне сложившихся языков монгольского и тунгусского, а затем, при гибели Великого Ляо, этот языковый комплекс распался вновь на составные элементы. Предполагать же, что киданьский язык являет собой некую диффузную стадию тунгусского и монгольского языков, помимо методологической сомнительности подобного подхода к языковым процессам, было бы слишком смело, так как известны монгольские рукописи XIV в., в которых можно сыскать архаичные формы монгольского языка, но не следы недавнего размежевания с тунгусским. Таким образом, возникают сомнения в достоверности выводов Хауорса. Материалы же его были подвергнуты жестокой критике Ширатори в книге «О языках племени хун-ну и племен дун-ху»¹⁰. Ширатори выступил против концепции Хауорса и указал на недоброкачественность его лингвистического материала¹¹. При изучении источников Ширатори не было обнаружено в них целого ряда слов, приводимых Хауорсом, и именно тех, которые сопоставлялись последним с соответствующими тунгусскими словами. Они были, по мнению Ширатори, заимствованы из поздних комментариев и не могут быть безоговорочно признаны киданьскими. Помимо проверки ранее опубликованных глоссариев, Ширатори произвел самостоятельную работу по выборке киданьских слов из исторических сочинений, результатом чего явился его собственный словарь, убедивший автора в безусловном превалировании монгольского элемента, при побочном значении не только тунгусского, но и тюркского языков. Рассмотрение киданьского словаря, дополненного сравнительным материалом из монгольского и тунгусоманьчжурских языков, должно, на первый взгляд, подкрепить концепцию Хауорса о смешанном характере киданьского языка. Действительно, число слов, созвучных с соответствующими тунгусскими, даже за изъятием оспариваемых Ширатори, равно примерно числу слов, находящихся свое объяснение в современном монгольском. Хотя сравнительно-лингвистический анализ, базирующийся лишь на сопоставлении близких по звучанию слов, без вскрытия определенных фонетических и семантических закономерностей, безусловно не может иметь самостоятельного значения, тем не менее языковый материал, казался бы, демонстрирует монголо-тунгусский характер киданьского языка.

Данные лингвистики вступают тут в известное противоречие со всеми дошедшими до нас известиями о хозяйственном укладе и социально-политическом устройстве киданей. Объяснение этому загадочному явлению будет дано ниже, пока же обратимся к рассмотрению тех сведений по истории киданьского народа, которыми располагает наука.

Кидане известны китайцам уже с IV в. н. э.¹² Они вели войны со своими соседями, вступали в столкновения даже с Китаем, в постоянной зависимости от которого они все время находились. В VI в. их преследуют воинственные тюрки¹³. К VIII в. относится чрезвычайно ценное замечание о киданях, найденное в тексте орхонских надписей: «В год своего тридцативосьмилетия зимою я (турецкий каган.— Е. З.) предпринял поход против Китая (т. е. киданей.— Е. З.), я убил (...я взял) их сыновей, их людей (?), их стада коней, их добро, я уничтожил их лю-

¹⁰ K. Shiratori, *Über die Sprache des Hiungnu-Stammes und der Tung-hu Stämme*, Tokio, 1900.

¹¹ Правда, в статье «Sur l'origine de Hiong-nous» (*Journ. Asiatique*, t. CCII, Paris, 1925) Ширатори отказался от своей точки зрения, причислив киданей, как и хун-ну, к смешанным тунгусо-монгольским народам, но нас интересуют здесь не столько его общие воззрения, сколько приводимый им конкретный материал.

¹² E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources*, I, London, 1900, стр. 208.

¹³ St. Julien, *Documents sur les tou-kiozes (turs)*. «*Journ. Asiatique*», 6-e s., t. III, Paris, 1864, стр. 331.

дей»¹⁴. Уже в эти отдаленные времена кидане составляли определенное политическое образование, способное вести организованную борьбу с окружавшими их народами. О хозяйственном их устройстве можно заметить лишь то, что они занимались коневодством. Более подробные сведения об этом народе удалось извлечь из китайских источников. Известия, приведенные Иакинфом, относятся, повидимому, к наиболее раннему периоду. Он сообщает, что кидане, «занимаясь звериной ловлей, не имели постоянного местопребывания»¹⁵, но наряду с доминирующим значением звероловства у них процветало также и коневодство. Так, китайский генерал Лю Жень-гун, посланный для усмирения киданей, принудил их к повиновению, не допуская пользоваться пастбищами, от чего погибло много лошадей. Киданьская конница насчитывала якобы 10 000 всадников, а за своего захваченного китайцами главнокомандующего кидане предложили выкуп в 5 000 лошадей¹⁶. Ведущая роль звероловства при наличии довольно стройной социальной организации наводит на мысль о принадлежности киданей в тот период к числу племен так называемых «лесных монголов»¹⁷. Однако большая численность конского поголовья, даже при учете вероятного преувеличения источниками, исключает возможность постоянного пребывания в лесных районах. Поэтому естественнее всего будет предположить, что приведенные сведения разновременны и отражают переход от лесного звероловства к степному скотоводству, достигнутому у киданей в последующий период весьма значительного развития.

Наиболее полную картину экономического и социального устройства Великого Ляо дает Паркер¹⁸. Этот исследователь подчеркивает разницу между киданями и их соседями — маньчжурами и тюрками и устанавливает промежуточный характер их экономики: «...Самая восточная половина дун-ху (под именем которых автор объединяет и киданей и тунгусо-маньчжуров.— Е. З.), населявшая долину Амура и Сунгари (и их притоков), состояла в основном из охотников, рыбаков и свиноводов, в то время как западная половина, заключенная между первыми и тюрками и обитавшая в долине Шара-мурена и Шанду-гола с их притоками, обладавшая некоторыми из кочевых особенностей тюрков, была, кажется, во многих других отношениях связующим звеном между чистыми коневодами — номадами и чистыми свиноводами — охотниками»¹⁹. И далее: «В отличие от тюрков, они (кидане.— Е. З.) были рыбаками, сокольниками, свиноводами и скорее погребали мертвые тела, чем сжигали их»²⁰. Подобно тюркам они были прекрасны-

¹⁴ Vilh. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, déchiffrées par... Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, V, Helsingfors, 1896, стр. 129. Это место Томсен сопровождает вполне справедливым замечанием: «Нельзя сказать ничего более ценного об экспедициях против китаев и татаби, которые должны были иметь место в конце 721 и начале 722 года».

¹⁵ Иакинф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в давние времена, ч. I, СПб., 1859, стр. 459.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О различии между «лесными» и «степными» монголами см. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 33 и сл.

¹⁸ E. H. Parker, The Cathayans, Reprinted from the «Asiatic Quarterly Review», October, 1900. Хотя труды Паркера не пользуются особым доверием в кругу синологов, однако фактические данные заимствуются им из китайских первоисточников и потому могут быть использованы.

¹⁹ Там же, стр. 1—2. Автор явно смешивает тунгусов с маньчжурами, так как свиноводство могло существовать, разумеется, лишь у последних. Значение его, как кажется, все же несколько преувеличивается автором. Следует попутно заметить, что некоторые из тунгусо-маньчжурских народностей (удэ) содержали свиней лишь в ритуальных целях, приобретая их у соседних народов, причем сами разведением свиней не занимались.

²⁰ По Иакинфу, кидане отвозили покойников в горы и «полагали их на вершину дерева». Указ. раб., I, стр. 459.

ми наездниками, но, хотя кумыс и употреблялся ими, они, как кажется, не зависели так от молочной пищи, как тюрки»²¹. Тут несомненно какая-то путаница. Истории не известно соединение кочевого скотоводства с развитым свиноводством, да и трудно мыслить возможным подобное сочетание. Скорее всего, мы имеем тут смешение сведений о разных народах, обитавших на территории Великого Ляо и экономически весьма отличавшихся друг от друга. Возможно также, что свиноводство, заимствованное от маньчжуров, достигло известного развития у незначительной численно группы оседлых киданей. Повидимому, Паркер недостаточно четко разграничивал известия китайских источников как о самих киданях, так и о вассальных по отношению к ним народах²². Не чуждо было киданям и земледелие. «В сравнении с восточными тунгусами катаяны (кидане.— *Е. З.*) менее зависели от охоты и были более кочевниками, земледельцами и овцеводами»²³.

В связи с этим известием возникает вопрос о монгольском земледелии и его древности. Невозможно согласиться с мнением американского исследователя Латимора, что начало земледелия у монголов связано с интенсификацией китайской иммиграции (XVII и XVIII вв.) в их владения, лишившей рядовых родовичей их прежних пастбищ и вынуждавшей их потому искать новых средств к существованию²⁴. Не подлежит ни малейшему сомнению, что захват земель китайцами сильно способствовал распространению земледелия в восточной Монголии, но монгольское земледелие значительно более древнего происхождения, чем это кажется Латимору. Еще первые русские казаки на Амуре застали уже вполне сложившуюся земледельческую культуру у дауров. Не менее древними земледельцами были и хорчины, многочисленные следы земледельческого хозяйства которых до сих пор находятся в Забайкалье вплоть до долины Баргузина. Монгольское земледелие возникло, повидимому, под китайским влиянием, которому подверглись в первую очередь племена, обитавшие на востоке, и в значительно меньшей степени западные монголы, среди которых земледелие вообще не достигло сколько-нибудь существенного развития. Мы располагаем лишь двумя достаточно древними свидетельствами о земледелии в Монголии, относящимися, правда, ко времени более позднему, чем эпоха расцвета Киданьской империи. В путевом дневнике ученика даосского монаха Чан-чуня, совершившего в 1220—1224 гг. совместно со своим учителем путешествие через Монголию, находим: «Третьей луны, первого числа, мы вышли из песчаной полосы и прибыли в Эй эр-ли (известная ставка Чингис-хана.— *Е. З.*) и здесь только встретили жилище, деревню, жители которой, большею частью, занимались хлебопашеством и рыболовством»²⁵. Китаец Джан Дэ-хой, посетивший Монголию в 1240 г., сообщает: «При реке (Керулен) живут вместе и монголы и китайцы; есть несколько лачужек, с земляными кровлями; много возделывают землю, но сеют только коноплю и пшеницу»²⁶. В обоих случаях остается неясным, кто же собственно занимался земледелием, только ли

²¹ Parker, *The Cathayans*, стр. 11.

²² Так как китайские исторические труды носят обычно компилятивный характер, при пользовании ими необходимо выяснять зависимость одного автора от другого, определяя тем самым первоисточник заимствования и через это его датировку. Недостаточно же умелое пользование китайскими источниками неизбежно вызывает ряд ошибок, приводящих истолкователя к странным и противоречивым выводам.

²³ Parker, *The Cathayans*, стр. 12.

²⁴ O. Latimore, *The Mongols of Manchuria*. New York, 1934, стр. 72—73.

²⁵ Палладий (Кафаров), Описание путешествия даосского монаха Чан-чуня, Труды Российской духовной миссии в Пекине. т. IV, СПб., 1865, стр. 285.

²⁶ Палладий (Кафаров), Путевые записки китайца Джан Дэ-хой, Записки Сиб. отд. РГО, кн. IX—X, Иркутск, 1867, стр. 583.

китайцы для же и китайцы и монголы. Но во всяком случае по этим показателям достаточно четко вырисовывается тип китайской аграрной колонизации, не оставшейся без влияния на хозяйственную деятельность туземного населения. В эпоху киданьского государства, испытавшего сильнейшее китайское влияние во всех областях своей хозяйственной, культурной и политической жизни, китайское земледелие интенсивно внедрялось в западную Маньчжурию. Об огородничестве, в частности о заимствованной у уйгуров культуре арбузов в Присунгарийском районе, повествует в своей реляции Ху-цяо, проживший у киданей 7 лет (946—953)²⁷. Поскольку монгольские земледельческие народы вышли именно из киданьского политического комплекса, причем хлебопашество приобрело основное значение в их экономике уже в последующие эпохи, весьма вероятным кажется и предположение о том, что переход к новому типу хозяйства был связан с изменениями, происшедшими в положении этих народов после гибели Великого Ляо, причем начало земледельческой культуры было заложено несомненно в эту эпоху теснейшего общения с китайцами, а последующее господство китаизировавшихся маньчжуров создало благоприятную почву для максимального ее развития.

О мощи киданей в период наибольшего расцвета Великого Ляо могут дать известное представление следующие сведения: «Тогда (в 1049 г.) у киданей было пять столиц, шесть провинций (чжоу), 150 крепостей (чунь-чен), 200 уездов, 5 000 поколений, 60 вассальных государств»²⁸. Административная система Великого Ляо была полным подражанием китайской²⁹. В области культурной кидане также находились под сильнейшим китайским влиянием. У них развивалась письменность, процветали искусства, существовала даже аналогичная китайской система экзаменов для молодых людей, причем основными предметами почитались два: стихи и классические книги³⁰. По религии кидане были, повидимому, шаманистами, но буддизм завоевывал среди них все больше и больше приверженцев и буддийские бонзы развивали усиленную деятельность в их стране³¹. Сообщение упомянутого выше Ху-цяо о том, что в киданьской столице «в то время (середина X в.—Е. З.) производилась уже очень живая меновая торговля и... было множество китайцев, чиновников, ученых, бонз, даосов и т. д.»³², завершает общую картину расцвета могущественной восточной империи, созданной кочевым народом, подпавшим под влияние более высокой культуры окружающих народов.

Восстановить полностью картину социального и политического устройства Великого Ляо, несмотря на сравнительно большое количество данных, задача, трудно выполнимая, так как известия китайских источ-

²⁷ К. Риттер, *Землеведение Азии*, т. I, стр. 454. По переводу Шаванна, киданями разводились не арбузы, а дыни. Дынные семена, по рассказу Ху-цяо, были найдены киданями после захвата уйгурских земель. Однако сравнительно высокая техника огородничества — удобрение земли и покрытие гряд — свидетельствует о том, что это занятие не было для киданей совершенно новым.—См. Ed. Chavannes, *Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen*, «*Journ. Asiatique*», IX, No. 3, Paris, 1897, стр. 400. На то, что первыми культиваторами дыни в Маньчжурии были именно монголы-дауры, указывает и даурское название дыни: дагур кенке (маньчж. хенке — общее название тыквенных растений).—См. Ивановский, *Manjurica*, I, СПб., 1894, стр. 46.

²⁸ В. П. Васильев, *Указ. раб.*, стр. 186—187.

²⁹ Там же, стр. 180—181.

³⁰ Там же.

³¹ Ragker, *The Cathayans*, стр. 19.

³² Риттер, *Землеведение Азии*, т. I, стр. 454.—Ср. у Владимирцова о покровительстве кочевого государства торговому капиталу оседлых соседей.—Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 86.

ников слишком разновременны. Более ранние сведения рисуют нам киданьское объединение как союз восьми племен, из числа восьми племенных вождей которых избирался один верховный предводитель сроком на три года. В случае неудачной деятельности избранника его досрочно заменяли более достойным претендентом³³. Со времен Абаки, изменнически убившего, как повествует предание, своих соперников и провозгласившего себя в 916 г. «императором», верховная власть становится наследственной. Очевидно, в начале X в. происходил процесс объединения разрозненных племенных групп в единое целое, подобно тому, что имело место тремя веками позднее в Монгольской империи Чингис-хана. Родовой демократизм окончательно изжил себя ко времени Абаки, и изображение старой историографией его переворота как внешнезападного *coup d'état* не соответствует истине. На это обратил внимание еще Васильев. «Хотя история и говорит, — пишет этот ученый, — что цари³⁴ явились у киданей со времени Абаки, но, между тем, мы не раз встречаем в той же истории упоминание, что кидане часто соединялись под одной властью, да и нет возможности допустить, чтобы в продолжение нескольких веков не было ничего общего между различными поколениями, которые, хотя и управлялись отдельными старшинами, но выбирали, еще до Абаки, одного предводителя»³⁵. У киданей происходил, очевидно, переход от племенной организации к феодализму. Спорадическое объединение под одной властью является одним из характернейших признаков союза племен, выделявших в наиболее ответственные моменты, обычно во время войны, высшего военачальника³⁶. Эпоха Абаки — эпоха блестящих завоеваний и разложения исконных общественных отношений. Аналогичный процесс установлен Энгельсом и у древних германцев: «Со времен Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; верховный военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее. Такие счастливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начали разбивать оковы родового строя»³⁷. Исходя из последнего указания Энгельса, общественный строй киданей во времена Абаки следует определять как переход от племенной организации (союз племен) к феодализму, интенсивно развивавшемуся в течение всего последующего господства Великого Ляо.

Подведем итоги.

Ранние сведения о киданях рисуют их как типичных монголов-кочевников, но отнюдь не как тунгусов-охотников. Нет также никаких оснований сопоставлять их с маньчжурами, ибо маньчжуры, под разными именами, были хорошо известны в ту эпоху как особая народность, занимавшая частью подвластные киданьской империи, а частью независимые от нее территории к востоку от владений Великого Ляо, и именно им и было суждено решить судьбы этой империи. Киданьская империя была разгромлена вторгнувшимися с востока чжурженями. На развалинах Великого Ляо возникла империя цзиней, просуществовавшая до монгольского нашествия. Чжуржени впервые упоминаются в китайских источниках задолго до начала нашей эры под именем народа су-

³³ Parker, *The Cathayans*, стр. 2—3.

³⁴ Надо заметить, что в прошлом ученые называли царями и вождей союзов племен.

³⁵ В. П. Васильев, *Указ. раб.*, стр. 8.

³⁶ См. Л. Г. Морган, *Дом и домашняя жизнь американских индейцев*, Л., 1934, стр. 22.

³⁷ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, Партиздат, 1937, стр. 189.

языка. Лингвистически доказано, что имена су-шэнь, нюйчен, чжучер и т. д. — все что иное, как фонетические вариации одного и того же имени, причем наиболее близкой к подлинному звучанию слова в чжурженьском языке является, повидимому, форма чжуржень³⁹. По господствующему в современной науке воззрению, чжуржени — прямые предки маньчжуров, точнее, это различные наименования одного и того же народа. Идентичность языков, несколько затемненная, естественно, новобразованиями, возникшими за многовековой промежуток времени, отделяющий язык чжурженьских памятников от письменного маньчжурского языка, — остается все же достаточно очевидной. Останавливаться на доказательстве этого представляется нам излишним, так как материалы по чжурженьскому языку общеизвестны⁴⁰.

Тождество чжурженей с маньчжурами можно доказать и иным путем. Термин чжуржень-нюйчен, сравнительно рано исчезающий из китайских источников, сохраняется на севере Маньчжурии до середины XIX в. Исбрант Идес, ездивший в качестве русского посланника в Китай, именует жителей Маньчжурии не иначе, как «ниуче» и тем же именем называет и самую страну⁴¹. Имя «дучер», под которым фигурируют маньчжуры в отписках русских казаков, является лишь фонетическим видоизменением имени «нюйчен». Идентичность же дучеров русских исторических документов с маньчжурами подтверждается одним из позднейших путешественников-иезуитов Де ла Брюньером, указывающим, что «русские именуют маньчжуров дучерами»⁴². Наконец, Клапрот сообщает, что монголы еще в его времена называли маньчжуров чжурженями⁴³. Также почти до наших дней сохранился этот термин в языках приамурских туземцев: нанайцев и уде⁴⁴.

Нам представляется, что нюйчены составляли ядро будущей маньчжурской народности, — то ядро, которое положило основание Мань-

³⁸ Этническая принадлежность мо-хэ и народов, входивших в состав Бохая, не представляет специального интереса для нашей темы. Первые из них представляют, повидимому, пра-маньчжурскую племенную группировку, вторых скорее всего следует связывать с современными корейцами. Некоторые маньчжурсты считают и мо-хэ и «бохайцев» предками маньчжуров. Так, Гребенщиков пишет: «Основатели новой династии в Манджурии и Китае (т. е. маньчжуры. — Е. З.), потомки прежних мо-хэ, соплеменники бохайцев и цзиньцев, произошли из среды цзянь-чжоуских нюй-чжи». — А. В. Гребенщиков, К изучению истории Амурского края по данным археологии, Сборник в честь 25-летия музея Общества изучения Амурского края, Владивосток, 1916, стр. 59; ср. также З. Н. Матвеев, Бохай, Владивосток, 1929.

³⁹ См. Terrien de Lacouperie, The djurtchen of Manchuria, «Journ. of the Royal Asiatic Society», vol. XXI, London, 1859.

⁴⁰ Основная работа по чжурженьскому языку — книга Груббе, Über die Sprache der Jusen, Leipzig, 1896. Из более специальных исследований можно назвать статью Laufer'a, «Jurci and mongol numerals», Kōrosi Csoma Archivum, I, N. 2, 1921—1925, Budapest.

⁴¹ E. Isbrant Ides, Voyage de Moscou à la Chine, Recueil de voyages au Nord, vol. VIII, Amsterdam, 1727.

⁴² Цит. по Риттеру, Землеведение Азии, также у Жербилона: «те, которые живут вдоль Сунгари, — маньчжуры, которых московиты называют дучерами»; Du Halde, Description historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, t. IV, La Haye, 1736, стр. 44.

⁴³ Klapproth, Tableaux historiques de l'Asie, стр. 84.

⁴⁴ «Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что в языке «гольдгов» имеется термин «джюсэрайни» (у уде джусэлэнджи. — Е. З.), являющийся синонимом другому термину, а именно манджурайни. Этим термином «гольдские» шаманы называют ту часть шаманских манджурских текстов, которая имеется в шаманских текстах «гольдгов» и является заимствованием. В прежнее время ходзо (н) най именем соло (н) най или джюса называли манджур окрестностей Айхуня; при этом синоним этого слова — манджур — употреблялся несравненно реже. И поньше термин джюсэрайни, как название определенной части текстов, считается более правильным, чем термин манджурайни. — «Первый туземный съезд ДВО», Хабаровск, 1925. Введение, стр. 33.

чжурской империи. Эту группу мы склонны видеть в «старых манджурах», в то время как «новые манджуры» образовались, повидимому, из соседних более или менее оманьчжурившихся племен, вовлеченных в систему политической организации маньчжурского государства уже после его возникновения⁴⁵.

Таким образом, наша мысль сводится к тому, что гипотеза единства происхождения киданей и нюйченов⁴⁶ не может быть признана удовлетворительной, причем первые могут быть с полным правом отнесены к числу монгольских племен, вторые же непосредственно связаны с маньчжурами.

Для ясного понимания всей совокупности этнических связей киданей необходимо предварительно разрешить вопрос о происхождении дауров и солонов, занимающих изолированное положение среди других народов, чья история в последние века тесно переплетена с историей забайкальских эвенков (тунгусов). В литературе известно несколько объяснений названия «солоны». Со времен Палласа широко распространилось мнение, что солоны — монгольское слово, означающее «стрелец»⁴⁷. Однако мнение это основано на недоразумении, так как слова «солон» с подобным значением в монгольском языке нет. Архимандрит Палладий, считавший солонов потомками корейской, по его мнению, народности — урянхов, сопоставляет «солон» с монгольским названием Кореи — «Солонго»⁴⁸. Эта теория, приписывающая через солонов единство происхождения с корейцами и всем тунгусам, с нашей точки зрения неприемлема. Правильным является, на наш взгляд, мнение Шренка о том, что имя «солон» следует производить от общего в ряде тунгусо-маньчжурских языков (у Шренка — ольчского и гольдского) слова «соло» — вверх, кверху и, следовательно, «солон» следует понимать как «верховской» (житель), каковыми солоны, расселенные на территории, примыкающей к верхнему течению Амура, и должны были представляться тунгусским племенам, обитающим восточнее⁴⁹. Для жителей низовьев Амура существует совершенно аналогичное по образованию название хэдзен (от хэдзе — вниз, книзу), что значит «низовской»⁵⁰. Название же «дауров»

⁴⁵ «Манджуры различают следующие группы: 1) фе манджу — старые манджуры, 2) иче манджу — новые манджуры, 3) монго манджу — монголо-манджуры. Эти разделения, по мнению манджугов, были образованы во время основания Маньчжурской империи. Они (манджуры) рассказывают, что великий вождь Абхай-хан организовал свою армию, которая явилась основой будущей маньчжурской власти и двинулась к югу. Часть манджугов осталась в «горах» и присоединилась к армии позднее. Первые манджуры приобрели имя фе манджу (древние манджуры) и последние иче манджу (новые манджуры). Третья группа монго манджу составила из покоренных монгольских народов, включенных в маньчжурскую военную организацию». — S. M. Shirokogoroff, Social Organization of the Manchus, Shanghai, 1924, стр. 11. Приведенное предание отображает, повидимому, действительные события, т. е. наличие основного ядра народности в эпоху становления ее власти, к которому затем наращивались ассимилируемые иноплеменные группы.

⁴⁶ См., например, у Риттера, О древних обитателях русской Даурии (из *Asiatica*, Bd. II, стр. 320—324), «Известия Сиб. отд. РГО», т. VIII, № 3—4, Иркутск, 1877, стр. 111.

⁴⁷ P. S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, стр. 238; его же, О разделении народов мунгальского поколения. «Мемуары исторический и географический на 1737 год», стр. 53.

⁴⁸ Арх. Палладий (Кафаров), Дорожные заметки на пути от Пашаев до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году, Записки РГО по общей географии, т. IV, СПб., 1871, стр. 443—449.

⁴⁹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 193.

⁵⁰ Образец неукосной этимологизации слова «солон», собственно «бутха солон» (солоны — охотники), дает В. К. Арсеньев: «Название это (бутха-солон, по Арсеньеву — Е. З.) получилось от трех слов: бутха — охотник, соло — толстые корешки (мочки) жэнь-шэня и «ни» частица родительного падежа. Следовательно, слова — бутха солони можно перевести «охотники, ведущие свое начало от «корня человека» (жэнь-

остается совершеннейшей загадкой. В качестве примера осмысления его ~~можно~~ привести курьезное мнение В. К. Арсеньева, что слово «да-хуры» происходит от даху — шуба, а «дахуры» значит — люди, одетые в даху (шубу)⁵¹.

Несмотря на то, что дауры и солоны существуют до наших дней, значимость их чрезвычайно невелика. Даже вопрос об их этнической принадлежности оставался запутанным до недавнего времени, когда был положен предел продолжавшейся дискуссии, ибо языковые материалы с бесспорностью доказали принадлежность дауров к монголам и солоннов к тунгусам⁵². Но этнографически и исторически как дауры, так и солонны изучены сейчас немногим более, чем во времена первых путешественников-иезуитов. Сведения о них, разбросанные в различных работах, случайны, отрывочны и зачастую не вполне точны. Происхождение их остается неясным, хотя и не один исследователь пытался связать их прошлое с тем или иным народом. Большинство западноевропейских ученых считает их потомками киданей как смешанной монгольско-тунгусской «расы». Воззрение это основано на смешении этнических понятий с политическими. Немыслим народ, возникший в результате смешения двух других народов и затем, при деградации своей двумя веками позднее, распавшийся вновь на составные компоненты. Но если мы вспомним, что на востоке в древности государство получало название по имени господствовавшего племени, то естественно возникает вопрос, не следует ли понимать многочисленные указания источников на киданское происхождение солоннов и дауров в том смысле, что и те и другие находились в каком-то отношении к Киданьской империи. К аргументированию этого положения мы вернемся позднее, пока же обратимся к рассмотрению наиболее существенных высказываний, существующих в литературе.

Оба автора, посвятившие свое внимание киданьскому языку, — Хаяорс и Ширатори, сходятся в том, что от киданей ведут свое происхождение и дауры и солонны. Однако выводы свои они строят различно. Ширатори связывает солоннов и дауров через дун-ху непосредственно с хун-ну. «Народ дун-ху, — пишет он, — есть не что иное, как ветвь расы хун-ну, и оба говорили на смешанном языке, содержащем монгольские и тунгусские элементы, но, что существенно, мы находим следы этих двух народов в долине реки Нонни. Первый называется сегодня солоннами; его язык — смесь монгольского и тунгусского при доминировании тунгусского элемента. Его можно связывать предпочтительно с тунгусской группой. Что касается второго, он называется дагурами и говорит на языке полу-монгольском, полу-тунгусском, в котором монгольский элемент доминирует, и он может быть связан с народами монгольской группы. Итак, заключаем: хун-ху и дун-ху были двумя народами, родственными солоннам и даурам, предками которых они, возможно, и являются»⁵³. Заключение о родственности хун-ху и дун-ху солоннам и даурам, противоречащее более ранним высказываниям того же Ширатори, несомненно обязано своим происхождением империалистическому

шэня) или «отпрыски жэнь-лэня». — В. К. Арсеньев, Этнологические проблемы на востоке Сибири, Вестник Азии, № 38—39, кн. 2—3, Харбин, 1916, стр. 59.

⁵¹ В. К. Арсеньев, там же, стр. 58. Справедливость требует отметить, что В. К. Арсеньеву, выдающемуся знатоку Уссурийского края, специальные этнографические вопросы были чужды и этимологические гипотезы его носят случайный характер.

⁵² Солонны сохранили общетунгусское самоназвание — эвенки. — См., например, Отчет Ф. В. Муромского о поездке в Кульжинский район в 1907—1908 гг., Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, СПб., 1909, стр. 34.

⁵³ Shīratorī, Sur l'origine de Hiong-nous, стр. 81.

направлению в японской науке, нашедшему яркое выражение в исторических концепциях Тории⁵⁴.

Гипотеза Хауорса строится на довольно неожиданном признании дауров лишь одним из солонских племен. Поэтому задачу свою он ограничивает доказательством принадлежности именно этого, солонского, по его мнению, племени к киданям. «Как... доказательство связи солонов и киданей,— пишет Хауорс,— я могу упомянуть, что главное племя среди первых называется дакури». При этом он ссылается на сообщение Иакинфа о том, что основатель первой киданьской династии назывался Дакури, что подтверждается и Visdelou, именовавшим эту династию Тао⁵⁵. Сохранение одного и того же господствующего племени представляется Хауорсу достаточно убедительным для вывода о тождественности самих народов. Теория Хауорса, построенная на неправильном допущении, естественно, не может быть признана удовлетворительной. Вместе с тем, его аргументы в пользу киданьского происхождения дауров полностью сохраняют свою ценность.

Никак нельзя согласиться с утверждением Риттера, что «все факты согласно говорят, что эти тагуры, дауры, даоры, доры, таргозины, мергенцы — суть те раздробленные и разрозненные тунгусские племена XVI, XVII и XVIII столетий, которые перед прибытием русских в Сибирь, удалившись из верхней области Амура в среднюю, примкнули к племени, сплотившемуся в это время в один манджурский народ, между тем, как другие их тунгусские роды, более дикари, чем они, перебрались в богатую памятниками русскую Даурию»⁵⁶. Это неверно, помимо указанной выше монгольской принадлежности дауров, еще и потому, что русские нашли дауров как уже вполне сложившуюся земледельческую народность и даже в самых ранних казачьих отписках они очень редко смешиваются с тунгусами⁵⁷. Риттеру же принадлежит гипотеза тождественности нюйченов и дауров. Так, он утверждает: «эти нюйхи или нючи... было сродное даурам по языку и происхождению племя»⁵⁸, или: «о серебряных копиях эти конные тунгусы сказывали, что их сделали жители царства народа нюйху или даоры, которым принадлежат и плавильные печи»⁵⁹. Как последнее свидетельство, так и утверждение об идентичности этих народов некритически заимствованы Риттером у Исбрант Идеса⁶⁰. Неосновательность приписывания древних копей даурам убедительно доказана Шренком⁶¹; предположение же тождества этих народов может считаться совершенно опровергнутым уже упомянутыми новейшими лингвистическими исследованиями.

Остановимся еще на высказываниях Шренка. Считая вопрос о происхождении дауров не поддающимся разрешению, этот ученый со свойственной ему добросовестностью оставляет его открытым и ограничивается лишь суждением о происхождении солонов. Последние, по его мнению, потомки нюйченов⁶². Основным аргументом в пользу такого сопоставления является причисление себя самими солонами к маньчжурскому племени нюй-чи. Поскольку же, однако,

⁵⁴ См. мою статью «Древние народы китайских хроник и эвенки», «Советская этнография». 1937, № 1, стр. 73.

⁵⁵ Howorth, The Khitai or Khitan, стр. 127—128.

⁵⁶ Риттер, О древних обитателях русской Даурии, стр. 110.

⁵⁷ Также и для внутренних областей Маньчжурии дауры не были вопрошателями. У Du Halde (Description de la Chine, vol. IV, стр. 18) изохолк-сона (Цицикарская провинция.— Е. З.) населена манджурами, солонами и особенно старинными обитателями Цицикарской страны, именуемыми тагурами.

⁵⁸ Риттер, О древних обитателях русской Даурии, стр. 110.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Isbrant Ides, Voyage de Moscou à la Chine, стр. 200.

⁶¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 190 и сл.

⁶² Там же, стр. 193.

маньчжурский язык относится к маньчжурской языковой группе в то время, как солонский несомненно принадлежит к числу севернотунгусских языков, и эта гипотеза не может быть принята. Что же касается солонского предания о происхождении от нюй-чи, то оно легко может быть объяснено, помимо обычного на востоке стремления производить свое имя от наиболее могущественной народности, сохранением памяти о былом вхождении солонив в нюйченское политическое объединение.

Этими несколькими высказываниями мы ограничим свой краткий обзор и перейдем к изложению той концепции, которая явилась результатом изучения всех доступных нам источников.

Прежде всего необходимо решительно отвергнуть теорию нюйченского происхождения дауров и солонив, последние из которых несомненно принадлежат к числу северных тунгусов. Хотя близость тунгусского и маньчжурского языков неоспорима, уровень социального развития маньчжуров и тунгусов резко различен. У первых уже с давних пор господствуют феодальные отношения, с сохранением ряда патриархально-родовых пережитков, у вторых обнаружен лишь родовой строй, интенсивно разлагающийся в последние столетия. Вопрос об их лингвистической общности и единстве происхождения весьма запутан, однако априорное принятие родственности тунгусов и маньчжуров, базирующееся на многих очевидных признаках, может встретить серьезные возражения⁶³. Можно, конечно, предполагать что маньчжуры — часть единого тунгусо-маньчжурского «племени», в силу конкретных исторических условий достигшая более высокой ступени общественного развития, что своей оседлостью, своим хозяйственным укладом они обязаны многовековому китайскому влиянию, но все это спорно и в достаточной мере неясно. Для нашей темы существенно лишь то, что различие тунгусов и маньчжуров весьма древне и во всяком случае восходит ко временам, значительно более ранним, чем эпоха нюйченев. Эпоха Великого Ляо была периодом постоянного общения монгольского и тунгусского (в расширительном понимании) населения Маньчжурии. Не следует относиться с излишним недоверием к утверждению целого ряда ученых, и весьма авторитетных ученых, о смешанном монголо-тунгусском (тунгусо-маньчжурском) характере населения этой империи, хотя кидане и представляются нам народом монгольским.

Ошибка цитируемых выше исследователей заключалась в смешении понятий политических и этнических. Киданьская народность и Киданьское царство понятия не идентичные. Не следует забывать, что хотя господствующая народность и давала свое имя всему политическому образованию, но племенной состав последнего отнюдь не исчерпывался этой единственной народностью. Особо должен ставиться вопрос об этнической принадлежности киданей и особо о племенном составе Великого Ляо, включавшего в орбиту своего влияния не только монгольские, но и тунгусские, а быть может, также маньчжурские и даже тюркские племена⁶⁴.

⁶³ «Между кочевниками-тунгусами и более оседлыми маньчжурскими племенами существует довольно значительная лингвистическая и этнографическая разница». — П. Шмидт, Этнография Дальнего Востока, Сб. «Vivat Academia», Владивосток, 1915, стр. 30. Вряд ли что можно возразить против этого утверждения.

⁶⁴ В. Л. Котвяк в своей статье «Кидане и их письменность», написанной по поводу находки в 1922 г. двух памятников с надписями на киданьском языке (см. P. Pelliot, Le tombeau de l'empereur Tao-tsung des Leao et les premières inscriptions, connues dans l'écriture K'i-tan, T'oung Pao, XXII, 1923) справедливо замечает: «Вне всякого сомнения, как те, так и другие (т. е. и тунгусы и монголы. — Е. З.) составляли часть Киданьской империи, и весьма вероятно, что в нее включались и тюркские племена, однако раса, которая основала государство, была, вероятно,

Вполне закономерен вопрос, какие же из народов, обитающих на землях, некогда подвластных Великому Ляо, восходят в своем далеком прошлом к киданям — властителям этой империи. Трудно представить себе полное исчезновение народа с земель, ранее им заселенных, в результате военного разгрома. Естественно возникает вопрос, не являются ли потомками киданей дауры, издревле обитающие в Западной Маньчжурии и до самого последнего времени сохранившие командующее положение по отношению к тунгусам, основывающееся в более позднюю эпоху на экономической зависимости. Отмечавшаяся в литературе архаичность даурского наречия свидетельствует, видимо, о древности даурской миграции к востоку. Сами дауры подобным же образом истолковывают признаваемую ими архаичность их языка⁶⁵. Подавляющее большинство авторов рассматривает дауров как остатки киданей, но существует и иное воззрение, согласно которому приход их в Маньчжурию относится ко времени монгольского нашествия XIV века⁶⁶.

Даурское предание, повествующее о расселении дауров в бассейне Шилки и Аргуни еще во времена киданей, на которое ссылается Широкогоров⁶⁷, не является единственным. Ему противостоит другое предание, согласно которому дауры — потомки брата Чингис-хана Хобто-Хасара, т. е. потомки его дружины⁶⁸. И то и другое может в известной степени отражать подлинные события, но последнее, надо заметить, легко объяснимо стремлением приукрасить прошлое своего народа, производя его от славных великими делами, блистательных властителей, самое имя которых носит уже полуполюгендарный характер.

Убедительным доказательством более раннего переселения дауров, нежели остальных, за немногим исключением, восточномонгольских племен, является их резко отличный производственный уклад. Хлебопашество достигло у них столь значительного развития, что стало играть основную роль в их экономике в отличие от скотоводов-монголов, земледелие у которых не насчитывает, у большинства во всяком случае, более двух-трех веков. Язык дауров испытал также несравненно большее маньчжурское влияние, чем прочие восточномонгольские наречия. В последние столетия дауры почти полностью китаизировались⁶⁹.

Итак, имеются веские основания полагать, что дауры — остатки киданей, осевшие на землях Великого Ляо, под влиянием определенных условий (пытаться определить которые было бы занятием слишком рискованным) изменили тип своего хозяйства, перейдя от кочевого скотоводства к земледелию.

Из тунгусских групп наиболее сильное монгольское влияние испытали солоны, причем древность этого влияния достаточно велика. Не только скотоводство, но и земледелие солоны восприняли от монголов. Первые сведения о солонах приведены в описаниях путешественников-иезуитов конца XVII — начала XVIII в. Они рисуют нам солоньев как людей отважных, могучих, прекрасных наездников и стрелков из лука⁷⁰. Уже в те времена солонья числились в регулярной армии. Коневодство

монгольской». — W. Kotwicz, Les «Khitais» et leur écriture, *Rocznik Orientalistyczny*, t. II (1919—1924), Lwów, 1925, стр. 249.

⁶⁵ Latimore, Указ. раб., стр. 183.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ S. M. Shirokogoroff, *Social Organization of the Northern Tungus*, Shanghai, 1929, стр. 84.

⁶⁸ Latimore, Указ. раб., стр. 183.

⁶⁹ W. Stoetzner, *Forschungsreise in der Nordlichen Mandschurei*, «Petermann's Mitteilungen», LXXIV, 1928, стр. 84—85; H. Maier, *Völkerkundliche Beobachtungen in der Mandschurei*, «Ethnologica», IV, 1930, стр. 55—60.

⁷⁰ Du Halde, *Description de la Chine*, vol. IV, стр. 20.

у них, по-видимому, значительно древнее⁷¹. Все это дает нам основание, вслед за целым рядом авторитетов, высказаться в пользу теории, согласно которой солоны являются остатками народа, подвластного некогда Великому Ляо. Вывод этот находится в соответствии с данными китайских источников⁷².

История тунгусов, не только маньчжурских, но и всех тунгусов в целом, связана с историей Великого Ляо. Эта эпоха теснейших межплеменных отношений наложила свой отпечаток на язык киданей, насколько он известен нам по немногим памятникам, сохранившим слова, приписываемые киданям. Смешанный характер глоссария не кажется нам отражением пра-монгольского, пра-тунгусского состояния киданьского языка. Объяснение этого загадочного факта заключается в ином. Во-первых, происходило взаимовлияние языков и, во-вторых, и это главное, многие слова, которые иные авторы, исходя из современного тунгусского, склонны приписывать этому языку, являются архаичными монгольскими, впоследствии утраченными монголами, но сохранившимися в ряде тунгусских диалектов, подобно некоторым древним фонетическим нормам, свойственным в далеком прошлом и тунгусскому и монгольскому языкам⁷³. Подтверждает эту гипотезу то обстоятельство, что киданьское влияние в области языка сильнее сказывается в удаленных от места расселения монголов тунгусских говорах, обладатели которых, очевидно, ранее покинули ту область, где взаимное общение могло быть непосредственным, и потому, естественно, сохранили большее число архаичных диалектических форм. Два примера призваны подкрепить нашу концепцию: название солнца, как в западных и тунгусских диалектах (siwun), так и в крайних восточных (негидальское sign), близко к киданьскому sikwan — солнце, причем в прибайкальских эвенкийских (тунгусских) наречиях подобного слова нет (солнце называется dilača). Вторую общую черту западнотунгусского и киданьского нам удалось подметить в наличии звука h, предшествующего начальному гласному слова⁷⁴. П. Шмидт, занимавшийся сравнительным изучением туземных языков Дальнего Востока, пришел к выводу, что «начальный звук х в тунгусском соответствует ф в маньчжурском, п в гольдском и ольчском, но отсутствует в монгольском»⁷⁵. Отсутствию-

⁷¹ Нелегко решиться утверждать, что именно к эпохе Великого Ляо относится распространение коневодства у солонов, но естественно было бы предположить, что развитие его всемерно форсировалось правящей монгольской верхушкой, озабоченной усилением своей военной мощи.

И по сие время солоны предпочитают лошадей всем остальным видам животных. Оседлые солоны, занимающиеся немного земледелием и имеющие иногда 1—2 головы рогатого скота, держат помногу лошадей (H. Maier, *Völkerkundliche Beobachtungen in der Nordlichen Mandschurei*). Кочевые же, составляющие большинство, по образу жизни близкие к маньчжурским ороченам, в отличие от этих последних совершенно не используют оленей и знают единственное ездовое животное — лошадь. — W. Stoetzner, *Forschungsreise in der Nordlichen Mandschurei*, стр. 85, и его же, *Unter Goldgräbern und Tungusen in der Nordmandschurei*, «Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg», XLI, 1930, стр. 424—425.

⁷² «Китайские источники производят солонов от камнихань Забайкалья и считают потомками киданей...». — Ивановский, *Manjurica*, I, стр. 4. Хамнаган (камнихань) — монгольское название эвенков (тунгусов).

⁷³ Следует отметить, что профессор Pelliot, которому доступны были многие материалы, не ставшие достоянием печати, пришел к заключению, что кидане говорили на языке, «близко родственном монгольскому, еще более палатализованном». — См. J. Deny, *Langues turques, langues mongoles et langues toungouzes*, «Les Langues du monde», Paris, 1924, стр. 200.

⁷⁴ Правда, наличие или отсутствие начального h сильно варьируется по диалектам. Но несомненно, что в западных говорах оно встречается чаще, а для некоторой части восточных, как, например, для баргузинских, может быть объяснено реэмиграцией соответствующих родов в восточном направлении.

⁷⁵ P. Schmidt, *The language of the Olchas*, *Acta Universitatis Latvianis*, V,

щий в современном монгольском начальный звук *h* был открыт профессором Пелльо в древнемонгольском языке XIII—XIV вв.⁷⁶ Эта древнемонгольская, а хронологически, позволительно предположить, и киданьская форма, сохранилась у западных и северных тунгусов, а также и в некоторых архаичных даурских диалектах, исчезнув у прибайкальских и нерчинских тунгусов, а равно и монголов, в процессе своего языкового общения подвергшихся влиянию определенных факторов, оказавших воздействие на фонетический строй соответствующих языков.

Таким образом, архаичность западно- и северотунгусских диалектов позволяет датировать переселение тунгусов на запад в бассейн Енисея, а равно и на северо-восток Азии предположительно XII—XIV вв. Дата эта носит весьма приблизительный характер, но те лингвистические соотношения, которые возможно установить при современном уровне изученности тунгусских языков, позволяют считать ее гипотетически допустимой.

Глубоко ошибочным было бы заключение о том, что тунгусы играли активную роль в Киданьской империи. Даже наиболее развитые тунгусско-солонские группы не поднялись выше вассального положения, ибо предположение, что приведенные выше сведения о социальном устройстве киданей распространяются, как это казалось многим исследователям, также и на тунгусов, привело бы нас к неожиданному выводу о становлении у последних феодализма еще в X—XI вв. Однако влияние киданей-монголов на социальное устройство тунгусов не было столь значительным.

Марксом установлены три различных вида политики народа-завоевателя по отношению к покоренным народам. «При всех завоеваниях,— пишет Маркс,— возможен троякий исход. Народ — завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)»⁷⁷.

Кочевые народы нередко довольствуются обложением подвластных племен данью, и нет сомнения в том, что тунгусы занимали в Великом Ляо только положение данников. Иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что, входя в политические объединения, создаваемые народностями с развитыми феодальными отношениями, тунгусы тем не менее сохранили родовой строй. Отрицать это можно, лишь с точки зрения теории деградации социального строя тунгусов⁷⁸, но теория эта не может быть признана удовлетворительной. Более того, она совершенно опровергнута новейшими этнографическими исследованиями. Нам уже удалось показать, что самые предпосылки этой теории были порочны, ибо сторонники ее, не уделяя внимания процессу

Riga, 1923. О фонетическом чередовании в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках см. также А. Sauvageot, *Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques*, Paris, 1930, стр. 3—5, и более подробно у Широкогорова в его *Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altai hypothesis*, Peiping, 1923, стр. 103.

⁷⁶ См. P. Pelliot, *Les mots à h initial aujourd'hui annulés dans le Mongol des XIII et XIV siècles*, «*Journ. Asiatique*», 1925.

⁷⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, *Госполитиздат*, 1938, стр. 146.

⁷⁸ Теорию деградации тунгусов развивает К. Нiekisch в своей магистерской диссертации «*Die Tungusen*», *Dorpat*, 1879. Такой же точки зрения придерживается и известный русский тунгусовед К. Рычков.— См. его *Тунгусские племена*, «*Вестник Азии*», № 43, вып. III, Харбин, 1917, стр. 12—13. В пользу этой теории деградации тунгусов нашла сторонников в среде приверженцев «культурно-исторической школы».— См. W. Korper's, *Die Tungusen und Miao*, и F. Fier, *Zur Frage des Rennbiernomadismus*, «*Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*», Bd. LX, 1930.

деградации, ограничивались сопоставлением киданей и сянь-бийцев, с одной стороны, с тунгусами — с другой⁷⁹. Сравнение казалось достаточно убедительным, но раз установлено, что ни сянь-бийцы, ни кидане не представляют собой пра-тунгусскую народность, сопоставление оказывается совершенно бесплодным, и теория деградации тунгусов, равно как и представление о былом их величии, должны быть отвергнуты как научно необоснованные.

Итак, изложенные выше данные приводят нас к заключению, что киданей следует рассматривать как древнемонгольскую народность, остатками которой являются современные дауры. Под властью этой народности в Великом Ляо жили народы и племена различного этнического происхождения, в том числе тунгусы-солоны.

⁷⁹ О сопоставлении сянь-би с эвенками см. в моей статье «Древние народы китайских хроник и эвенки», «Советская этнография», 1937, № 1.